

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА РУССКИХ НЕОКАНТИАНЦЕВ

© 2016 г. Елизавета Александровна Фролова¹

В статье рассматриваются вопросы методологии в теории Г. Риккерта и интерпретация его учения в работах Б.А. Кистяковского, С.И. Гессена, С.Н. Булгакова, А.С. Лаппо-Данилевского. Анализируются номологический (обобщающий) и идеографический (индивидуализирующий) подходы к исследованию социальных явлений. Показано логическое соотношение генерализирующего и индивидуализирующего научных методов как способов обобщения и оценки фактического материала.

This article discusses the methodology in the theory of Rickert and interpretation of his doctrine in the works of Kistyakovsky, Hesse, Bulgakov, Lappo-Danilevsky. Approaches to research of the social phenomena are analyzed nomologicheskoy (generalizing) and ideographic (individualizing). Displaying logical relationship generalizing and individualizing the scientific method as a way of summarizing and evaluating the actual material.

Ключевые слова: философия права, неокантианство, Риккерт, Кистяковский, право, методология.

Key words: legal philosophy, neokantianstvo, Rickert, Kistyakovsky, right, methodology.

На рубеже XIX–XX вв. учениями неокантианцев был внесен большой вклад в разработку вопросов методологии науки. Постановка проблемы и ее решение, как они представлялись теоретиками и философами права этого времени, по существу не претерпели изменения и сегодня. В условиях процесса гибридизации наук опыт неокантианских философов может оказаться полезным не только в историческом ракурсе, но и как важная составляющая методологических исследований в области истории, философии, юриспруденции. Представители марбургской школы (Г. Коген, П. Наторп, Р. Штаммлер, Э. Кассирер, А. Риль, В.А. Савальский, В.Э. Сеземан, И.А. Ильин и др.) занимались преимущественно логико-методологическими вопросами науки; сторонники баденского направления неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, С.И. Гессен и др.) исследовали субъект познания и выстраивали науки в зависимости от критерия отнесения их к ценностям. Ориентир на культуру в системе построения наук – отличительная черта их философии.

Г. Риккерт (1863–1936) глубоко исследовал проблемы гносеологии, аксиологии, онтологии. В работах “Границы естественнонаучного образо-

вания понятий. Логическое введение в исторические науки” (1896, русск. пер. 1902), “Науки о природе и науки о культуре” (1899, русск. пер. 1911), “Философия истории” (1905, русск. пер. 1908) он изложил свой подход к решению вопросов содержания, характера, классификации наук. Развивая методологию Канта, Риккерт определил границы естественнонаучного и исторического методов. С помощью естественнонаучного метода образуются общие понятия. Этот подход отождествляет границы познания с границами опыта. Целью естественнонаучного познания является установление закономерной связи фактов между собой: это познание изображает объективную картину эмпирического бытия. Исторический метод имеет дело с конкретной действительностью и образует понятия по принципу ценности. Задача исторической науки – установление внутренней закономерности конкретных и общих явлений с точки зрения телеологии. Предметы и явления истории группируются сообразно с критерием ценности.

Науки, по теории Риккерта, являются в отношении метода либо генерализирующими, либо индивидуализирующими. Их материал состоит или из объектов природы, т.е. действительности, утратившей всякую связь с ценностями, или из явлений культуры, т.е. действительности, отнесенной к ценностям². Метод заключается в формах, которыми пользуется наука при обработке данного ей материала, и часто обуславливается особенностями этого материала. Логик должен отвлекаться

¹ Доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук (E-mail: theory.law.msu@gmail.com).

Elizaveta Frolova, associate Professor of Department of theory of state and law and political science of juridical faculty of Moscow state University M.V. Lomonosov, Doctor of Law (E-mail: theory.law.msu@gmail.com).

² См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер с нем. С. Гессена; с предисл. автора к рус. изд. СПб., 1908. С. 72.

от всех различий в содержании наук, чтобы понять формальные методологические различия, а именно: во всех эмпирических науках объектам противостоит познающий субъект; субъект ставит своей целью познание какой-либо части или всего данного ему мира³. Это познание, по теории Риккерта, есть не отражение мира, а преобразующее объекты мира понимание их. Действительность как исходный пункт любой эмпирической науки предстает в виде необозримого многообразия. Перерабатывая свой материал, наука создает абстрактные построения мысли – понятия. Этот процесс абстрагирования от конкретного материала – наиболее значимая сторона любой науки. Логика определяет задачи, которые ставят перед собой науки, и выделяет их научные методы, т.е. виды образования понятий. Согласно Риккерту существуют два принципиально различных вида понимания действительности.

1. Принимается во внимание общее, индивидуальность объектов исследователя не интересует. Объекты – это только экземпляры общего родового понятия, которые при необходимости могут быть заменены другими экземплярами того же понятия. В этом состоит генерализирующее понимание действительности. Большая практическая ценность такого подхода к исследованию материала, как полагал Риккерт, заключена в возможности ориентироваться во всем многообразии действительности и в создании определенной системы понятий. Этот метод имеет принципиальное значение для юриспруденции, прежде всего для теории права. На основе такой типизации в области права формулируются понятия нормы права, правового отношения, юридического факта, наконец, системы законодательства, системы права.

2. Исследователя интересует особенный предмет, его знание нацелено на его индивидуальность, на то, что делает предмет незаменимым и исключительным. При этом предмет не приравнивается к другим вещам, пусть даже очень похожим на него. Он выделяется из группы аналогичных предметов и называется уже не родовым, а собственным именем⁴. В этой области тоже имеется преобразование действительности. Из всей массы первоначального материала выбирается только определенный комплекс элементов, который принадлежит конкретному субъекту. В реальности существуют не общие объекты, а только единичные. Никогда ничто не повторяется в тождественной форме. В мире все индивидуально.

³ См.: там же. С. 16.

⁴ См.: там же. С. 20.

Применительно к области права в этом ракурсе можно оценить процессы правореализации.

Обозначенные подходы к познанию действительности имели своим истоком древнегреческие учения. Одни философы (Парменид, Зенон) развивали идею единого, неизменного бытия, другие (Гераклит, Кратил) – идею вечного возникновения и изменения. Глава элеатской школы философии Парменид утверждал, что к истине ведут не чувства, которые свидетельствуют о множественности и изменении вещей, но только разум или мышление. Мышление возвышается над пространством и временем, никем не создано, неразруσιμο, неуничтожимо, неподвижно, вечно⁵. Дальнейшую разработку процесса мышления чистыми понятиями предпринял его ученик Зенон. Противоположную идею – идею вечного изменения мира в древнегреческой философии развивал Гераклит. В мире нет ничего прочного и застывшего. Все течет, все изменяется. “Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, так как в ней текут все новые и новые воды”⁶. Последователь его философии Кратил метафорично замечал, утрируя мысль своего учителя, что и один раз нельзя войти в одну и ту же реку⁷. В древнегреческой философии эти подходы противопоставлялись; последующей мыслью они воспринимались как односторонние. Исходя из теории Риккерта и его сторонников, эти методы познания действительности одинаково значимы. С точки зрения логики любой объект можно рассматривать с позиции как генерализирующего, так и индивидуализирующего метода.

Генерализирующий метод, по учению Риккерта, предполагает образование родовых понятий, подведение частного под общее. Понятия, возникающие таким образом, имеют разные степени общности, но высшая цель этого метода – подвести всю действительность под общие понятия. Так создается единая целостная система общих понятий, охватывающих своим содержанием все объекты, подлежащие исследованию. Следствием этого подхода является появление универсального метода, который обладает формальным характером и используется в качестве методологической основы для естественных наук⁸.

⁵ См. об этом, например: *Форлендер К.* История философии. Античность. Средние века / Пер. с нем.; под ред. В.А. Савальского. Изд. 2-е, испр. М., 2011. С. 34, 35.

⁶ Там же. С. 30–35.

⁷ Аристотель смеялся, что под конец Кратил уже ничего не считал возможным утверждать, а только водил пальцем (см.: там же. С. 35).

⁸ См.: *Риккерт Г.* Указ. соч. С. 25.

Однако исследователь не может удовлетвориться только этим способом познания действительности. Исторические науки по своей сути не стремятся обрабатывать действительность с точки зрения общего. Историк всегда понимает свой предмет: личность, общество, народ, политику, эпоху и др., – как единое целое в его единственности и никогда не повторяющейся индивидуальности⁹. Конечная цель истории – изобразить объект во всей целостности, поэтому она не может пользоваться генерализирующим методом, игнорирующим единичное.

Индивидуализирующий метод, по Риккерт, на первый план исследования выводит понятие единичного и неповторимого. Понятие общего целого, с которым имеет дело история, богаче своим содержанием, чем его отдельно взятые части, поэтому история рассматривает единичное “в общем”, т.е. как члена некоторого целого. Единичность исторических объектов предполагает, что данная действительность всегда есть во времени, пространстве и изменяется в них. Изображение связи объекта с окружающей его исторической средой возможно только с помощью индивидуализирующего метода. При этом история, как и естествознание, пользуется понятием причинных отношений, но в другом понимании: для историка важна не только временная последовательность причины и ее действия, но и та необходимость, с которой из определенной причины вытекает не менее определенное, никогда не повторяющееся в точности действие¹⁰.

Согласно теории Риккерта генерализирующий и индивидуализирующий подходы применительно к истории связаны между собой: части целого в истории подводятся под общие понятия, а само целое рассматривается в своей исключительности. Сложность в приложении методов к историческому материалу проявляется в том, что здесь вообще нет общих понятий в смысле понятий систематических наук. Дело в том, что, несмотря на то что общие групповые понятия истории (революция, мятеж, реформа и др.) содержат общеизвестное, целью их создания является не обобщение материала, как в генерализирующих науках, а изображение индивидуальности группы¹¹ (например, где и какая произошла революция, каковы причины и последствия данной социальной реформы и др.).

Самостоятельным вопросом теории науки является вопрос оценки и ценности объектов изу-

чения. Историк вообще, историк права, в частности, выбирает из содержания своих предметов то, что для него существенно. В науке этот выбор должен производиться, справедливо полагал Риккерт, на основании какого-либо принципа. Только в этом случае можно проникнуть в логическую сущность исторического метода. Момент отнесения к ценностям в науке – наиболее сложный вопрос. Дело в том, что цели любой науки имеют значение ценности. Само отделение существенного от несущественного, предпринятое на основании научной цели, уже является оценкой¹². Согласно подходу Риккерта получается, что общее понятие (для генерализирующего метода) есть в то же время и существенное, а значит, относится к ценности.

С индивидуализирующим методом дело обстоит иначе. Этот метод понимания действительности не может дать никаких четких указаний на то, индивидуальность каких именно объектов существенна, что должно быть принято во внимание историческим изложением в большей, а что – в меньшей степени. Только под углом зрения какой-либо ценности индивидуальное может рассматриваться как существенное. Однако здесь есть противоречие, на которое обратил внимание сам Риккерт: факт, что ценности играют в науке решающую роль, что они должны приниматься в качестве принципов образования понятий, противоречит существу науки: от историка требуют объективности в исследованиях. Одним из возможных решений данной коллизии является признание собственных оценок исследователя. История изображает не все индивидуальное, но только “интересное”, “важное”, “значительное” – существенное. История как эмпирическая наука не может высказать общеобязательных суждений о ценности явлений. Историческая наука (в данном случае речь не идет о логической ценности ее научной цели) имеет дело с ценностями только постольку, поскольку ее объект имеет какое-то значение для ценности. Для этого и необходим индивидуализирующий метод, максимально раскрывающий подробности события. Мысль Риккерта по этому вопросу имеет важное методологическое значение: необходимо строго отличать практическую оценку от чисто теоретического отнесения к ценностям. Историк не оценивает своих объектов; он только находит, констатирует факт существования объектов – ценность общества, государства, народа и др. В гносеологическом плане он относит объекты к этим ценностям и выясняет, имеет ли (и если имеет, то в силу чего) индивидуальность этих объектов

⁹ См.: там же. С. 27.

¹⁰ См. об этом: там же. С. 40.

¹¹ См.: там же. С. 46.

¹² См.: там же. С. 51.

определенную ценность. Историк расчленяет всю действительность на существенные и несущественные элементы, относя их к всеобщим ценностям¹³. Вместе с тем как историк он должен подходить к явлениям исторической действительности с какой-нибудь оценкой. Нельзя излагать историю государства и права, историю политико-правовых доктрин, не ставя политические и правовые ценности в известное отношение к своим собственным оценкам. Получается антиномия, согласно которой, с одной стороны, исследователь должен беспристрастно излагать всю палитру исторических явлений, создавая объективную картину мира, с другой – не оценивая явления, историк не мог бы понять, чем он руководствовался бы в своем выборе исторических фактов. На уровне эмпирической истории этот вопрос не может быть разрешен.

Построение понятий ценности – дело философии истории применительно к области правовых доктрин, философии права. Важно подчеркнуть, что мышление по ценностному принципу объективно, а следовательно, объективны и те категории и отношения, которые опираются на аксиологический подход. Отнесение объектов к ценностям, по учению Риккерта, неизбежно приводит к индивидуализирующему пониманию действительности независимо от того, являются ли ценности индивидуальными или всеобщими. Это различие касается только значимости самих ценностей, а не логического момента отнесения к ценностям¹⁴.

Научное изображение единичного и особенно направлено на духовную жизнь человека. На этом основании исторические науки причисляют к “наукам о духе”. Однако вслед за В. Виндельбаном Г. Риккерт полагает, что различия природы и духа не могут служить исходным пунктом для методологии. Логика его рассуждений следующая. Исторически существенными могут быть только те объекты, которые обладают значением по отношению к социальным интересам. Процесс реализации всеобщих социальных ценностей содержится в культуре. Ценности, определяющие в истории выбор существенного, называются культурными ценностями (понятия государства, права, экономической организации, искусства и др.). Собственные культурные предпочтения историка не должны иметь решающего значения при исследовании им своего материала – ему необходимо понимать всеобщие культурные ценности людей и народов с тем, чтобы с помощью теоретического

отнесения к ценности отделить существенное от несущественного¹⁵.

История, по Риккерту, – не просто индивидуализирующая наука, но наука о культуре. Ее объекты относятся к явлениям культуры. Этим история принципиально отличается от естественных наук, хотя (чисто внешне) между естественными науками (науками систематическими) и философией имеется больше сходства (поскольку эти науки ищут системы), чем между философией и историей, так как история не может быть по своей сути наукой систематической. Более того, как известно, одна из задач философии – борьба с историзмом, как мировоззрением. Для Риккерта важно было показать особенности, которыми историческое мышление отличается от мышления других наук: выяснить логическую структуру исторических наук и только затем – высказывать суждения об их научной ценности¹⁶.

Принципы истории как науки следует искать в общем смысле исторической жизни. Поиском этого смысла должна заниматься философия истории, обнаружением сущности права – философия права. Задача этих наук состоит в отыскании законов истории и права¹⁷. То, что относится к эмпирической науке – и истории, и права, не касается философии этих наук. В философии истории и философии права исследователи стремятся к познанию, которое проникало бы в сущность этих явлений.

Историческое познание единичного и индивидуального важно для области философии и не лишено своей ценности, однако с философско-исторической и философско-правовой точек зрения оно является только подготовительным этапом для дальнейших исследований в этих областях. Поэтому исторические принципы должны быть принципами культуры и принципами исторического универсума. Исходя из этих принципов, интересно сопоставить философию истории и философию права с социологией. По мысли Риккерта, задача социологии тоже относится к отысканию законов общественной жизни человека; она, как и история, формулирует законы, рассматривает действительность, которую исследует и история, однако все же рассматривает ее не как культуру. Какой бы ценностью ни обладала социология как наука, по своему назначению она может только доставлять истории вспомогательные понятия

¹³ См. подробнее: там же. С. 68–71.

¹⁴ См. об этом: там же. С. 11.

¹⁷ В данном ракурсе термин “закон” означает безусловную общность понятия, а не причинную необходимость индивидуальной действительности (см. подробнее: там же. С. 76).

¹³ См.: там же. С. 56, 57.

¹⁴ См.: там же. С. 58.

для исследования ею причинных связей, но она не может заменить философии истории¹⁸.

Риккерт категорически отвергает попытки сформулировать естественный закон исторического универсума таким образом, чтобы он был формулой исторического прогресса. Во-первых, прогресс и регресс относятся к понятию ценности, поэтому говорить о прогрессе возможно только при наличии критерия ценности. Во-вторых, прогресс означает возникновение чего-то нового, какой-то индивидуальности. Понятие критерия ценности (того, что должно быть) не может совпадать с понятием закона, содержащим в себе то, что есть или что неизбежно будет и чего требовать поэтому не имеет никакого смысла. Иными словами, понятия долженствования и неизбежности взаимно исключают друг друга. В-третьих, возникновение нового не может войти ни в какой закон, поскольку закон содержит только то, что повторяется. Если под прогрессом понимать, во-первых, возникновение чего-то нового и, во-вторых, возрастание ценности, то с логической точки зрения, уверен Риккерт, понятие закона прогресса противоречиво. Другими словами, понятие прогресса не может быть законом¹⁹.

Отметим главные положения теории методологии науки Г. Риккерта. Он утверждал, что научное познание не является простым отображением действительности; только своеобразное ее преобразование превращает реальность в научную действительность. Этот процесс заключается в упрощении реальных явлений и происходит в создании общих понятий. В естествознании содержатся безусловно общие суждения – “законы природы”. В этой научной области отображается только одна сторона действительности, другая должна исследоваться в науке об индивидуальном – в исторической науке²⁰. Два способа преобразования действительности – обобщающий и индивидуализирующий – являются основанием для новой классификации наук о природе и наук о культуре. Образование понятий с индивидуаль-

ным содержанием происходит через отнесение объектов к ценностям, имеющим для сознания человека общеобязательное значение.

Методологию немецкого философа оценивали с разных позиций. Иногда в критике исследователей можно заметить пристрастность, которая говорит скорее о непримиримости отдельных точек зрения направлений неокантианской философии, чем о глубине замечаний авторов. Например, наш отечественный философ права, приверженец и комментатор философии Г. Когена, первым в России защитивший диссертацию по философии марбургской школы неокантианства, так оценивал теорию баденца Г. Риккерта: “Все смешано здесь в кучу: и логика, и этика, и психология, ибо должное есть предмет (не логики, а) этики, а норма есть (не понятие чистого познания, а) понятие этико-психологическое... Все превращено в нормы, так как даже законы природы – выходит по Риккерт – истинны не потому, что они *суть* истинны, а потому, что они *должны быть* истинны”²¹.

Более глубокая критика методологии Г. Риккерта была дана сторонниками марбургской школы – Э. Кассирером и С.И. Гессеном. Э. Кассирер в работе “Познание и действительность” уделил большое внимание анализу теории естественнонаучного образования понятий у Г. Риккерта. Под редакцией С.И. Гессена в России был осуществлен перевод “Философии истории” (1908), который автор лично рекомендовал к опубликованию.

Методологический интерес образования естественнонаучных понятий заключается, по Кассиреру, в том, что здесь по-новому раскрывается “*отношение всеобщего к частному*”²². В естественных науках рассматриваются частные случаи, которые имеют значение образцов, служащих для изображения законов. Но, решая эту задачу, исследователь сталкивается с расколом между системой *понятий* и системой *действительности*. Любая действительность раскрывается в индивидуальном виде и, следовательно, с многообразием отдельных черт. Как отмечает немецкий философ, подтверждается антиномия, высказанная еще Аристотелем в его учении о познании, согласно которой всякое знание есть знание о всеобщем, но истинное бытие присуще не всеобщему, а индивидуальным субстанциям в их различных проявлениях. В Средние века по этому вопросу велись

¹⁸ Оценки социологии у Риккерта см.: там же. С. 83.

¹⁹ Закон трех стадий Конта – теологической, метафизической, позитивной, по оценкам Риккерта, на самом деле является формулой ценности. “Позитивное” имеет для Конта значение того, что должно быть, т.е. значение идеала. Но этого не может дать наука, формулирующая законы, поскольку она должна видеть в своих объектах экземпляры родовых понятий (см.: там же. С. 95).

²⁰ “Действительность становится природой, коль скоро мы рассматриваем ее таким образом, что при этом имеем в виду общее; она становится историей, как скоро мы (...) имеем в виду частное” (см.: Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997. С. 205–208).

²¹ Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Натторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1909. С. 354, 355.

²² Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М., 2006. С. 254.

дискуссии “номиналистов” и “реалистов”. В философии Нового времени наиболее значительным исследованием образования понятий, по признанию Кассирера, явилась теория Риккерта, которую, тем не менее, он подвергает критике. Дело в том, разъясняет Кассирер, что направление на понятие и направление на действительность взаимно исключают друг друга: по мере формулирования понятия все более “стушевывается область конкретных единичных фактов. Совершаемое с помощью понятия упрощение интенсивного и экстенсивного многообразия вещей означает в то же время постоянное обеднение их реального содержания”²³. По учению Риккерта, независимо от содержания понятия последнее находится в сущностном противоречии с эмпирическим миром конкретного. Образование понятия уничтожает индивидуальность действительности. “Созданная естественным пропасть между понятиями и индивидами есть, следовательно, пропасть между понятиями и действительностью вообще”²⁴.

По мнению Кассирера, из теории Риккерта можно сделать следующий вывод: понимание действительности с помощью понятий равносильно уничтожению ее характерного содержания. Более того, для области реализации даже лучше, чтобы понятия были менее определенными. Способность какого-то представления, заключающегося в том, что его можно применять к тому, что различается не только по времени и месту, но и по содержанию, дана с неопределенностью: “чем неопределеннее, тем легче применение”²⁵. Функция науки, по Риккерту, состоит в том, что она должна снять многозначность эмпирических фактов и создать в своих общезначимых определениях правила для выбора материала восприятия.

Э. Кассирер убежден: при формулировании научных понятий конкретное не исчезает из фактов. «Мы не видим оснований, почему какое-нибудь конкретное содержание должно потерять свой наглядный, частный характер, раз оно войдет с другими однородными содержаниями в различные связи рядов и, значит, будет взято и образовано как “понятие”»²⁶. Более того, чем дальше продвигается образование понятия, тем резче проявляется частное своеобразие предмета. Обнаруживаются новые специфические свойства.

Здесь логика снова встречается с конкретными науками²⁷. Только о представлениях можно сказать, полагает Кассирер, что, чем они более общи, тем более они теряют в конкретной ясности и резкости, пока они не превратятся в голые схемы без реального содержания. Суждения, наоборот, определяют частное тем точнее, чем обширнее круг сравнения с другими объектами. Рост объема здесь идет параллельно с определением содержания. Формулирование естественнонаучных законов не отменяет частных признаков исследуемого явления, просто они соединяются в систему объективно значащих связей. “Здесь не создается особый вид предметов, но одной и той же опытной действительности придается новая категориальная форма”²⁸.

В этом же ключе рассуждает С.И. Гессен. Для того чтобы подчеркнуть противоположность между естественнонаучным и историческим образованиями понятий, он выделяет две формы причинности. Первая форма касается идеи всеобщей закономерности: понять причинно какое-то событие означает подвести его под общие законы. Здесь событие оценивается как экземпляр родового понятия. В другом понимании причинность означает “необходимость временной последовательности элементов действительности”. Единство естественнонаучного и исторического процессов образования понятий, по Гессену, заключается в идее необходимости. Согласно его взглядам, эта необходимость вкладывается в “объективную действительность”, которая истолковывается независимо от того, происходит ли это толкование в естественнонаучных или исторических понятиях. Такую действительность, по мысли Гессена, необходимо рассматривать в качестве регулятивной идеи, направляющей к общей цели разные, методически несходные доктрины.

Таким образом, методологическое различие “общих” естественнонаучных понятий и “индивидуальных” исторических понятий (согласно воззрениям философа) не только не исключает, но, напротив, требует связи между теми и другими: то, что с точки зрения “общности” расходится логически, снова сходится при замене этой точки зрения позицией необходимости. Кто в истории видит не одно только лишь “описание” смены разных событий, кто считает необходимым применить и к ней особый вид причинного суждения, тот признает в ней эту форму “общего”. Речь у Гессена идет не о противоположности между понятием и действительностью, а о различии внутри самой системы понятий. Философ под-

²³ Там же. С. 255.

²⁴ *Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung.* Tübingen; Lpz., 1902. S. 235 ff. (цит. по: Кассирер Э. Указ. соч. С. 255).

²⁵ По мнению Кассирера, в этом вопросе Риккерт следует Зигварту (см. подробнее: Кассирер Э. Указ. соч. С. 256, 257).

²⁶ Там же. С. 258.

²⁷ См.: там же.

²⁸ Там же. С. 261.

черкивает абстрактный характер истории. Исторические понятия суть “в общем продукты более или менее сильной абстракции”, а значит, столь же мало конкретны, как и понятия естествознания. “Как индивидуализирующая наука о культуре, история представляет удаление от действительности; принципиально она так же близка к последней, как и естествознание; она тоже работает с понятиями – но индивидуальными понятиями”²⁹. Введение единичного в целостную систему – цель образования не только естественнонаучных, но и исторических понятий. Такое “координирование” согласно позиции Гессена может происходить по различным точкам зрения сообразно с различными мотивами, и тем не менее оно имеет логически общие черты, которые можно выделить как сущность понятия “вообще”³⁰.

Э. Кассирер углубляет этот подход. Он не противопоставляет “историческую” и “теоретическую” части науки: невозможно провести четкую границу между общим и частным. “Истинную основу для деления дает лишь отношение обоих этих моментов, только та *функция* (курсив мой. – Е. Ф.), которую общее исполняет по отношению к частному”³¹. Естественнонаучное понятие не отрицает и не уничтожает объекта этики и других наук, хотя сознательно рассматривает его только с одной точки зрения. Другие способы рассмотрения, возвышающиеся над ним, не противоречат ему, но логически дополняют. Поэтому проблема действительности не может быть решена борьбой “общего” и “частного”³².

Вопрос понимания и классификации научных методов был предметом многих исследований на рубеже XIX–XX вв. Комментируя теорию Г. Риккерта, русские историки и философы права предлагали собственное видение разделения методов.

Одним из представителей марбургской школы в России в начале XX в. был известный философ С.Н. Булгаков, комментировавший в работе “Философия хозяйства” подход немецкого философа к поиску критерия деления наук. Вслед за Г. Риккертом С.Н. Булгаков замечал, что существуют два способа изучения действительности: в одном случае внимание устремлено на общее, в другом – на особенное. Согласно Булгакову в первом случае мы имеем естествознание – науку, оперирующую с общими понятиями; в другом – историю, задача которой состоит в установлении

возможно точной действительности с ее индивидуальными особенностями. Развитие теории Риккерта Булгаковым проявилось в понимании науки социологии и ее соотношении с историей. В применении к социальной науке, полагал отечественный философ, различаются история в собственном смысле слова и социология как наука о законах существования и развитии социальных явлений. В социологии все индивидуальные события погашаются в абстрактных понятиях. Последние получают значение символа, условного обозначения ряда явлений (например, феодальное общество, капиталистическое производство, свобода торговли и др.). С изменением исторического материала меняются понятия социологии. При этом исторические понятия не увеличивают наше знание. Они влияют только на понимание связи событий. Из этого С.Н. Булгаков делал вывод о невозможности для социологии и для истории прогностических функций³³.

Критика учения Риккерта в среде отечественных философов права затрагивала несколько принципиальных положений. Прежде всего утверждалось, что восхождение к общим понятиям не составляет цели науки (как полагал Риккерт; оно есть только средство изучения внутренних отношений действительности: таким аналитическим способом наука изучает все стороны деятельности человека. Далее критически оценивалось противопоставление разума опыту: ошибочно полагать, что общие и формальные истины отличаются необходимым характером, который отсутствует в истинах частных и эмпирических³⁴. Любой факт и их связь на деле являются необходимым и для нашего сознания, что относится в равной степени как к общему понятию, так и к единичному факту. Это положение подтверждает единство бытия и сознания, действительности и разума. Категория “необходимость” не является свойством только лишь априорного мышления. Она присуща любому мышлению. Именно фактом “внутренней необходимости” мысли обеспечиваются достоверность и объективность эмпирического знания.

Отдельного внимания заслуживает положение Риккерта о долженствовании и ценностях. По теории немецкого философа познание должно согласовываться не с бытием, а с долженствованием. В сознании долга находится основа для установления иерархии ценностей. Риккерт вводил в об-

²⁹ Hessen S.I. Individuelle Kausalität. Berlin, 1909. S. 27 (цит. по: Кассирер Э. Указ. соч. С. 263).

³⁰ Гессен С.И. Указ. соч.

³¹ Там же.

³² См. подробнее: там же. С. 268.

³³ См. подробнее: Булгаков С.Н. Философия хозяйства (М., 1912). М., 1990. С. 272–274.

³⁴ См.: Софронов Ф. Генрих Риккерт и его книга “Границы естественнонаучного образования понятий” // Вопросы философии и психологии. Кн. 3(78). 1905. С. 448.

ласть объективного познания нормы и основанные на них нормативные отношения, обособляя их от действительности. В. Виндельбанд также утверждал, что “все эмпирические науки предполагают уже готовой всю систему нормального сознания”³⁵. Категории “возможность”, “необходимость”, “долженствование” должны пониматься как подчиненные категории понятию бытия. Это – формы мысли, рассматриваемые как содержание, как реальные факты мысли. И только в этом случае они подлежат изучению. По мнению русских критиков, Виндельбанд не понял, что нормы имеют реальное значение для психологического процесса только как психические факты, и полагал, что нравственный закон становится правилом воли уже в силу одной своей наличности в сознании, а не в силу реальных волевых импульсов³⁶.

В философии и теории права конца XIX – начала XX в. полемика велась не только по вопросам методологии, но и по проблемам соотношения бытия и долженствования, нормативного и фактического, рационального и иррационального³⁷.

В учениях и Г. Риккерта, и В. Виндельбанда норма являлась промежуточным звеном между бытием и сознанием: она есть и не “чистая мысль” (так как в ней осуществляется воля), и не “чистый факт” (поскольку в реальности не осуществляется), т.е. не становится “фактическим содержанием мысли”. Заслуга русских философов права, как представляется, заключается в том, что они сумели показать содержание нормы – правовой нормы, в частности, применительно к реальности. Большинство юристов XIX–XX вв. были уверены, что назначение права как нормы – именно в его практическом осуществлении. Кроме того, норма реализуется в переживаниях, которые дают нам чувство достижения истины, справедливости, добра и др. В этом сознании норма проявляет свое реальное бытие. С этих же позиций и момент долженствования не противопоставляется

бытию, а становится особым его видом, подлежащим изучению в области этики и права. На этих методологических основах отечественные представители обеих школ неокантианства создавали учения о морали, праве, государстве, нравственных и социальных идеалах.

Наибольшее внимание проблемам методологии в области права в среде русских неокантианцев уделено в учении Б.А. Кистяковского, яркого последователя теории Г. Риккерта в России³⁸. По оценкам Кистяковского, распространение многочисленных социологических исследований в конце XIX в. поставило перед социальной наукой вопрос о возможности применения для нее метода причинно-следственных отношений, характерного для естественных наук. Накопление фактических данных шло быстрее, чем логические и гносеологические исследования объектов естественных и социальных наук. Вслед за Виндельбандом и Риккертом Кистяковский утверждал, что сама по себе фактология не дает глубины знанию и не является его свидетельством. Однако для изучения и естественных, и социологических наук необходима масса фактических данных как база для последующего их анализа и структурирования. Как в природе, так и в социальной сфере разнообразие и индивидуальность явлений и событий отличаются бесконечностью и случайностью. В природе и общественных отношениях нет ничего повторяющегося – нет тождественных фактов. Несмотря на то что в природе все совершается согласно с естественными законами, тем не менее, в каком именно виде произойдет то или иное явление – неизвестно, это всегда случайность. Каждое явление в отдельности представляется случайным и требует теоретического изучения. Открытие естественного закона предполагало изолирование однородных явлений, находящихся между собой в причинно-следственной связи. Таким образом, создавались группы естественных законов (механических, химических, физиологических, биологических и др.), с помощью которых выявлялись закономерности в естественных науках.

Следуя подходу Риккера, Кистяковский оценивал специфику истории – она, как и другие соци-

³⁵ Виндельбанд В. Генетический и исторический метод. Прелюдии. М., 2011. С. 244.

³⁶ См.: Софронов Ф. Указ. соч. С. 452.

³⁷ См. об этом, например: Белов В.Н. С.И. Гессен в истории русского неокантианства // Кантовский сборник. 2014. № 1. С. 59–65; Его же. Спор В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина: кантианские вариации // Философские традиции и современность. 2013. № 2(4). С. 52–64; Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). М., 2015; Его же. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013; Его же. Философия права П.И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия // Гос. и право. 2012. № 2. С. 68–77; Фролова Е.А. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства // Там же. 2013. № 7. С. 93–97; Её же. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // Там же. 2012. № 5. С. 68–78.

³⁸ См., например: Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в социологии права // Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). С. 252–272; Его же. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Гос. и право. 2015. № 9. С. 14–24; Фролова Е.А. Методологические проблемы науки о праве в учении Б.А. Кистяковского (Полемика марбургской и баденской школ неокантианства) // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2012. № 3. С. 83–93; Её же. Б.А. Кистяковский о природе права // Кантовский сборник. 2014. № 2. С. 62–68.

альные науки, ставит перед собой цель исследовать отдельные факты. Поэтому в методологическом отношении история близка к описательным наукам (геология, химия, ботаника, зоология и др.). Однако, в отличие от естествознания, где необходима группировка материала (вид, отдел, отряд, класс и др.), история восстанавливает какой-либо факт во всех особенностях – изучает историческое событие как единичное и исключительное явление.

Вслед за немецкими философами Кистяковский полагал, что принципиальное различие естественных и социальных наук заключается не в объектах их исследований (очевидно, что явления природы и социальных наук различны), а в методах их изучения. Научный интерес в исследовании явлений природы – это причинные соотношения, а предмет изучения историка – событие во всех индивидуальных проявлениях и деталях³⁹.

Причинные соотношения в социальных науках и в естественных различны. Историк исследует индивидуальные сочетания разных рядов причинно обусловленных явлений. Это стечение совершенно случайно, следовательно, и исследуемое историческое событие – тоже случайно.

Основная задача естествознания как науки о закономерностях в природе состоит в определении причинно связанных и необходимых соотношений. Безусловно необходимо то, что осуществляется везде и всегда, т.е. не связано с пространством и временем. Причинные соотношения, составляющие основу естественных наук, мыслятся безотносительно к какому-либо определенному месту и времени или, говоря иначе, применимы к любому месту и времени, где есть необходимые условия. Вследствие того что все важные положения естествознания приобретают абстрактную форму, естественные науки предстают как науки о закономерном в природе, основываются на четких формулах и программах. Эта отвлеченность дает возможность объяснять индивидуальные яв-

ления и на их основе производить обобщения⁴⁰. Эти идеи переносились Кистяковским на сферу права, которое он рассматривал в разных методологических рядах. Как причинно-обусловленное явление право есть социальное отношение, т.е. отношение между субъектами права, и психическое явление, исследующее элементы душевных состояний. Кроме того, как явление телеологического порядка право подлежит анализу в сфере оценок и целей. Следуя неокантианской методологии, Кистяковский утверждает, что сущность права обуславливается трансцендентальными целями (право есть продукт духовной деятельности человека) и эмпирическими целями (право – это инструмент организации совместной жизни людей). При этом трансцендентальные цели различны: одни присущи разуму (интеллектуальному сознанию), другие – совести (этическому сознанию). Такими разными уровнями исследования права объясняется многообразие этого понятия, которое последовательно отстаивал Б.А. Кистяковский в своем учении об обществе, праве, государстве.

Теория Г. Риккерта во многом обусловила понимание методологии, разграничения обобщающих и индивидуализирующих наук и их приложение к истории идей в учении неокантианца А.С. Лаппо-Данилевского. Согласно оценкам последнего в начале XX в. теория познания значительно расширилась благодаря обращению к логике отдельных наук. Без методологии наука не сможет достигнуть единства в области понятий: только строго придерживаясь теоретико-познавательной точки зрения, наука может объединить данные нашего опыта, придать единство научному построению и выработать систему научных понятий (курсив мой. – Е.Ф.), а не довольствоваться разрозненными научными представлениями⁴¹.

Размышление над проблемами методологии, подчеркивает Лаппо-Данилевский, полезно: оно оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению. Придавая мышлению возможно большее единство, последовательность и согласованность, знание методологии делает наши заключения менее субъективными и более убедительными. Знание методологии дает исследователю возможность ясно определить основную точку зрения, сообщает выдержанность данному направлению мысли,

³⁹ “Историк берет все в розницу, в противоположность естествоиспытателю, который, исследуя только общее, берет все оптом. Логическая структура того и другого исследования – совершенно различна. Суждение естествоиспытателя (...) аподиктично; естествоиспытатель говорит: так необходимо должно быть. Суждение историка ассерторично; он говорит: так есть или так было” (см.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // В кн.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1998. С. 81). Согласно теории Канта “ассерторическими называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматриваются как действительное (истинное), а аподиктическими – те, в которых оно рассматривается как необходимое” (см.: Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 83).

⁴⁰ См.: Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 84.

⁴¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории (Выпуск первый). Пг., 1923. С. 8, 9.

оказывает влияние на ход исследования и ограждает автора от увлечений его темперамента⁴².

А.С. Лаппо-Данилевский строго разграничивал генетический подход исследования и теоретико-познавательный. Теория исторического знания, считал он, предполагает изучение не только принципов, но и процессов его образования. Вслед за В. Виндельбандом и Г. Риккертом отечественный историк различает номотетический (обобщающий) и идеографический (индивидуализирующий) методы исследования. При этом для исторических исследований номотетического построения недостаточно; в основе истории лежит идеографическое знание, получающее, тем не менее, научный характер только при использовании номотетического знания и умении его соотнести с индивидуальными историческими явлениями. Эта по существу основная мысль теории Риккерта определила предмет исследования Лаппо-Данилевского.

Развивая подход немецкого философа, он полагал, что всем наукам, и конструирующим идеальный предмет, и наукам, изучающим действительность, присуща системность. Если придерживаться лишь объединяющего знания общего, то все науки о действительности будут различаться только большей или меньшей степенью их общности. Наши знания о действительности будут расположены в один ряд и будут делиться на науки о природе (изучают естественную сторону опытного мира) и науки о духе (исследуют духовный элемент опытного мира). Эта классификация распространяется и на построения истории.

А.С. Лаппо-Данилевский не согласен с такой системой классификации наук. По его мнению, в ней смешивается понятие о единстве с понятием о всеобщности и отрицается возможность причислять к ней объединяющее знание индивидуального. Науки, изучающие целостную действительность, состоящую из индивидуальных частей, должны выяснить научное значение каждой ее части, причем не только с точки зрения того, что есть в ней общего с другими, но и с точки зрения отличительных черт от других наук⁴³.

Используя один метод, убежден ученый, нельзя объединить опытные данные и достигнуть единства в системе знаний. Разные отрасли науки должны объединяться с разных познавательных точек зрения — обобщающей или индивидуализирующей: они образуют общие понятия или индивидуальные; устанавливают понятие об общем

содержании или понятие о единичном целом данной совокупности; рассматривают данный предмет как один из экземпляров, обладающий общим значением, или как часть, имеющую индивидуальное значение, и др.

Таким образом, согласно подходу Лаппо-Данилевского науки о действительности изучают и с номотетической, и с идеографической точек зрения. В итоге получается двойной ряд наук, изучающих действительность: одни конструируют общие законы с номотетической точки зрения (естествознание, психология, социология и др.); другие дают построение индивидуального процесса с идеографической точки зрения (история природы, история человечества)⁴⁴.

Главная мысль А.С. Лаппо-Данилевского — одного номотетического подхода для выявления особенностей наук недостаточно. С позиции тех, кто признает наукой только одно научно обобщенное знание, между социологией и историей вообще нет принципиальной разницы: обе науки преследуют цель построения общих понятий. Если они и отличаются друг от друга, то только степенью обобщения материала, при этом социология оказывается наукой более общей, чем история⁴⁵.

С точки зрения тех, кто считает наукой систематически объединенное знание, принимающее во внимание и общее, и индивидуальное, между историей и социологией существует принципиальное различие: социология создает общие понятия (законы/типы социального взаимодействия, строения, развития общества и др.); история образует индивидуальные понятия (оценивает единичные исторические факты, рассуждает об историческом целом и отношении к нему частей и др.).

Оба направления в теории методологии — и номотетическое, и идеографическое, по убеждению А.С. Лаппо-Данилевского, важны для построения научных принципов исторического знания, поскольку они дают представление о тех позициях, с которых выстраивается предмет исторического познания, и обуславливают то или иное его понимание⁴⁶.

Теория Г. Риккерта была предметом глубоких теоретических исследований в русской философской, правовой, исторической науках. Отечественные ученые не только внимательно изучали его работы, но и стремились по-своему интерпретировать его учение применительно к правовой сфере (Б.А. Кистяковский), истории

⁴² См.: там же. С. 11.

⁴³ См. подробнее: там же. С. 20, 21.

⁴⁴ См.: там же. С. 21, 22.

⁴⁵ См.: там же. С. 23.

⁴⁶ См.: там же. С. 25.

(А.С. Лаппо-Данилевский), философии (С.Н. Булгаков, С.И. Гессен, П.Б. Струве⁴⁷). При всей

⁴⁷ Критический анализ “нормативного формализма” в теории познания, объединяющего, по П.Б. Струве, истинное, должное, прекрасное в одно понятие нормы, см.: *Струве П.Б.* Предисловие. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Сост. и коммент. В.В. Сапова. М., 1999. С. 12–51; и др.

оригинальности и сложности этой теории прошедшие неокантианскую школу отечественные мыслители конца XIX – начала XX в. по тщательности разработок и степени анализа методологических проблем не уступали немецким коллегам. Результаты их исследований свидетельствуют о высоком уровне интеллектуального состояния российской науки, и этот опыт может быть использован в современности.